

Минуты раздумья.

Духовенство въ параличѣ, духовенство отстало отъ жизни — трубятъ лѣвыя жидовскія газеты; духовенство не способно къ руководительству народнымъ образованіемъ, не можетъ стать во главѣ умственнаго и нравственнаго просвѣщенія народа — раздается со стороны лѣвыхъ партій на трибунѣ нашего молодого парламента. Эти нападки на духовенство лѣвыхъ газетъ и партій, конечно, вполне понятны и естественны съ ихъ стороны: онѣ входятъ въ кругъ ихъ программы въ борьбѣ съ религіей, въ особенности съ православіемъ, и всѣ, понимающіе суть дѣла, знаютъ настоящую цѣну подобнымъ выходкамъ. Но въ наше тяжелое время, время всевозможныхъ реформъ, когда жизнь стала итти усиленнымъ темпомъ, а самосознаніе народныхъ массъ все болѣе и болѣе развивается — и эти голоса полезны: они, какъ сторожевой колоколъ, будятъ, поднимаютъ, заставляютъ лишній разъ взглянуть и повѣрить себя — идемъ-ли мы, духовные, въ уровень съ жизнію, не отстали-ли мы, дѣйствительно, отъ ея требованій, и, какъ нѣтъ дыма безъ огня, такъ нѣтъ-ли хоть доли правды и въ возводимыхъ на насъ обвиненіяхъ? Къ сожалѣнію, данныя дѣйствительности даютъ нѣкоторый поводъ къ симъ обвиненіямъ, но, конечно, не въ такой степени, какъ объ этомъ трубятъ наши враги и недоброжелатели; тѣмъ болѣе, что и на солнцѣ есть пятна, и въ другихъ сословіяхъ есть свои недостатки, свои недо-

четы. Разберемся-же получше, будемъ вещи называть ихъ собственнымъ именемъ и смѣло глядѣть въ глаза дѣйствительности—это лучшее средство доискаться истины и избѣжать опасности. Наступили дни лукавы, апостолы социализма и безбожія, съ Ренаномъ. Толстымъ въ карманѣ, наводнили города и уже появились кое-гдѣ и въ селахъ, разнося свои пагубныя ученія и смущая души вѣрующихъ. Религіозно-нравственная жизнь народа послѣ, такъ называемаго, „освободительнаго движенія“ стала замѣтно клониться къ упадку: малое посѣщеніе храмовъ Божіихъ, массовое уклоненіе отъ исповѣди и Св. Причастія становятся повсемѣстно обычнымъ явленіемъ, служащимъ главнымъ поводомъ къ обвиненію духовенства въ косности, въ отсталости и въ потерѣ вліянія на своихъ пасомыхъ. И наша церковная печать и наше начальство не замалчиваютъ объ этомъ, признаютъ въ нѣкоторой мѣрѣ наличность подобныхъ фактовъ и проведеніемъ разнаго рода реформъ (напр. устройствомъ приходскихъ совѣтовъ, общаго пѣнія, собесѣдованій), стараются оживить приходскую дѣятельность духовенства, поднять и усилить его просвѣтительное вліяніе на народъ.

Но если такъ, если, дѣйствительно, религіозная жизнь общества падаетъ, а священство слабо противодѣйствуетъ этому, то гдѣ же причины послѣдняго факта? что ослабило историческую миссію нашего духовенства, какъ главнаго руководителя и возбудителя въ народѣ чувствъ вѣры, благочестія, любви къ храмамъ Божіимъ, тѣхъ завѣтныхъ чувствъ и началъ, которыми только и жива вся русская православная душа? Одна изъ главныхъ причинъ такого печальнаго явленія—причина давно всѣмъ извѣстная, выясненій не требующая, въ чемъ согласны наши други и недруги,—это необезпеченность наша, матеріальная зависимость отъ прихода, необходимость жить на добротныя даванія за требы, каковой порядокъ часто создаетъ рознь между прихожанами и священникомъ, поселяетъ къ послѣднему недобвѣріе и мѣшаетъ добрымъ взаимнымъ отношеніямъ. А за послѣдніе революціонные годы, когда смута шла и противъ государства, и противъ церкви; эти отношенія еще болѣе обострились, еще болѣе ухудшилось положеніе священнослужителей. Матеріальная необезпеченность, принижая нравственное достоинство духовенства, ослабляя его пастырское вліяніе, служить причиною другого горшаго зла, принимающаго все большіе и большіе размѣры и заключающагося въ

томъ, что лучшія силы бѣгутъ изъ ограды церковной, и священническія мѣста замѣщаются разными недоучками, выключенными или изъ духовнаго училища, или изъ низшихъ классовъ семинаріи; есть цѣлыя округа, состоящія изъ выключенныхъ, гдѣ даже бываетъ некого избрать въ благочинные. Сопоставляя таковой фактъ вырожденія духовенства съ современными настроеніями въ нравственно-религіозной области нашего общества, невольно задаешься грустными мыслями—куда-же мы идемъ? чего-же ждать дальше? неужели это начало конца нашей исторической роли?—и смутное, тревожное чувство охватываетъ душу. Но не думаемъ, чтобы одна матеріальная необезпеченность была причиною уменьшенія пастырскаго вліянія духовенства, не думаемъ потому, что и теперь есть среди насъ, хотя и очень немного, люди обезпеченные, не особенно нуждающіеся въ приходскихъ копейкахъ, но и тамъ нѣтъ кипучей приходской жизни, и тамъ стало мало богомольцевъ, еще меньше говѣющихъ и причащающихся. Тѣмъ болѣе такъ приходится заключить, что развѣ отцамъ и дѣдамъ нашимъ лучше жилось? развѣ иначе и больше они получали доходовъ?—а единенія тогда между прихожанами и священникомъ, вліянія послѣдняго было больше; храмы не пустовали, хотя главной теперешней приманки—хоровъ не существовало, а долгъ исповѣди исполняли почти всѣ. Видно, не въ однѣхъ копейкахъ дѣло, „не о хлѣбѣ одномъ живѣтъ человѣкъ“; въ рукахъ священника для религіозно-просвѣтительной дѣятельности есть внутреннее побужденіе, высшій двигатель—это личная его религіозная настроенность, и на вопросъ, поднялась-ли у современнаго духовенства эта настроенность сравнительно съ прежнимъ временемъ—лично отъ себя можемъ отвѣтить только отрицательно; несомнѣнно, въ религіозномъ отношеніи мы стоимъ ниже своихъ отцовъ, между тѣмъ какъ теченія, враждебныя вѣрѣ и церкви, стали сильнѣй. При всѣхъ своихъ недостаткахъ (напр. пьянство) наши предки были религіознѣе насъ, жарче и усерднѣй молились, и только этимъ можно объяснить ихъ большее вліяніе на приходъ. Ихъ истово совершаемыя многочасовыя службы, да еще въ холодныхъ храмахъ, строгое соблюденіе постовъ, полное, аккуратное вычитываніе предслужебныхъ правилъ—все показываетъ, что святой огонекъ религіознаго чувства ярко горѣлъ въ душахъ нашихъ отцовъ, отпечатлѣваясь даже во всѣхъ мелочахъ повседневной жизни. И каждая вѣрующая душа невольно чувствовала это,

съ охотой шла къ обѣднѣ, съ усердіемъ молилась, каялась и причащалась. Религіозность—самое главное въ священникѣ, и за это качество многое извинять и простить ему прихожане; воодушевленный пастырь миль и дорогъ каждому—и простолюдину и интеллигенту; даже невѣрующій—и тотъ будетъ уважать его. Когда же священникъ въ религіозномъ отношеніи, что называется, ни холоденъ, ни горячъ, то какъ не золотите его, какія реформы не вводите, какіе приходскіе совѣты не устраивайте,—толку никакого не выйдетъ, и живой приходской дѣятельности никогда не будетъ. Въ положеніи священника—храмъ для него главная точка опоры, а усердная молитва, благоговѣнное отношеніе къ своему святому дѣлу—тотъ рычагъ, которымъ онъ и можетъ только повернуть духовную жизнь своихъ пасомыхъ на путь мира, любви и благочестія.

Поэтому для оживленія приходской жизни, вмѣстѣ съ матеріальнымъ обезпеченіемъ духовенства, необходимо озаботиться и о поднятіи его религіознаго уровня, и первымъ дѣломъ обратить вниманіе на наши семинаріи, гдѣ взамѣнъ духа церковности и религіозно-нравственной настроенности царить духъ свѣтскости, нисколько не разнящій ихъ отъ другихъ учебныхъ заведеній. Всякія истины сообщаютъ намъ наши семинаріи: и богословскія и философскія, математическія и психологическія, но самаго главного, что особенно нужно для священника, именно—пастырской настроенности, духа церковности даютъ очень мало, плохо будятъ религіозную совѣсть, и не будетъ ошибкой, если скажемъ, что мы выходимъ изъ школы почти съ тѣмъ только запасомъ религіознаго чувства, какой дала каждому его родная семья. Семинарія весьма немного прибавляетъ къ такому запасу; зависитъ это отъ многихъ причинъ, и между прочимъ оттого, что богословскіе предметы поручаютъ преподавать лицамъ, вовсе не справляясь о ихъ религіозной совѣсти: вѣрующіе-ли они или нѣтъ, съ благоговѣніемъ-ли относятся къ сообщаемымъ религіознымъ истинамъ, или холодно, съ сомнѣніемъ, отрицаніемъ. Вѣдь богословскія истины не то, что истины математическія, для усвоенія которыхъ учениками субъективное отношеніе къ нимъ преподавателя не имѣетъ никакого значенія; напротивъ,—въ религіозныхъ предметахъ личное отношеніе къ нимъ преподавателя получаетъ рѣшающее значеніе: здѣсь нужно не сообщить, не выяснитъ только, но и убѣдить, подѣйствовать не на одинъ умъ, а и на чувство.

Поэтому преподаватель религиозно-нетвердый, сомнѣвающийся можетъ произвести соблазнъ, заразить своимъ сомнѣніемъ, холодною и учениковъ. Большая несообразность и то, что богословскіе предметы преподаетъ часто лицо свѣтское; пусть оно и вѣрующее, но никогда человекъ свѣтскій, хотя-бы и религиозный, не можетъ сравниться съ вѣрующимъ священникомъ, ибо онъ не получилъ благодати священства, не ощутилъ ту сладость вѣры и религиознаго чувства, какую испытываетъ священникъ во время совершенія таинствъ, особенно во время принесенія Безкровной Жертвы — Тѣла и Крови Христовой, и поэтому не можетъ говорить о священныхъ предметахъ съ тѣмъ подъемомъ духа, съ какимъ можетъ лицо въ духовномъ санѣ. Не на мѣстѣ и духовникъ семинарскій; что изъ себя представляетъ онъ при настоящемъ своемъ положеніи? часто-ли видится и бесѣдуетъ съ своими духовными дѣтьми? между тѣмъ какъ этому лицу должно быть отведено главное мѣсто въ семинарской корпораціи, оно должно быть въ постоянномъ и ближайшемъ общеніи съ учениками, и выборъ его необходимъ самый строгій. Много теперь говорятъ о реформахъ духовной школы и проводятъ ихъ: перемѣщаютъ предметы изъ одного класса въ другой; вводятъ новые, расширяютъ старые; но въ отношеніи того, что самое главное, что „едино на потребу“ — ни шага, ни звука, ни намека!

Села Студенець, священникъ *Василій Якимскій.*